

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВЛИЯНИЯ ИНТОНАЦИИ И ЧАСТИЦ
НА ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ В ЭРЗЯНСКОМ
И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ.
ТЕОРЕТИЧЕСКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Е. Н. Мухина (Ковылкинский филиал Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Ковылкино, Россия)

В статье рассматривается сравнительно-сопоставительный анализ влияния интонации и частиц на порядок слов в предложении в эрзянском и финском языках в процессе обучения. Автор рассматривает письменную монологическую речь, где порядок слов чаще всего строится по закону прогрессивной последовательности, при которой мысль идет от темы к реме, а в стилизованной разговорной речи (еще в большей степени живой разговорной речи) актуальное членение выражается не только порядком следования компонентов высказывания, но и интонацией.

Интонация и частицы в исследуемых языках придают слову или целому предложению различные смысловые оттенки. Чаще всего частицы присоединяются к словам, на которое падает логическое ударение, и соответственно занимают в предложении определенное место. Частицы в эрзянском и финском языках несамостоятельны, они не могут выступать в качестве членов предложения, самостоятельно распространять слово или словосочетание. Свою основную функцию – внесение различных оттенков – они могут проявлять только по отношению к другому слову.

Ключевые слова: интонация; частица; порядок слов; лексическое значение; синтаксическая категория; ударение; финский и эрзянский языки; актуальное членение; процесс обучения.

**COMPARATIVE AND CONTRASTIVE ANALYSIS
IN STUDYING THE INFLUENCE OF INTONATION
AND PARTICLES ON THE WORD ORDER
IN THE ERZYA AND FINNISH LANGUAGES.
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECT**

E. N. Mukhina (Ogarev Mordovia State University, Kovylkino Campus, Kovylkino, Russia)

The article is concerned with comparative analysis of influence of intonation and particles on word order in the Erzya and the Finnish language sentence. The author examines the written monological speech, where the word order is often based on the rule of the progressive sequence, at which the thought goes from a theme to a rheme. But in the stylized informal speech (moreover in live informal speech) actual division on the main part of the sentence is expressed not only by the sequence of statement components, but also by intonation.

Intonation and particles in studied languages add to the word or the whole phrase various semantic connotations. Most often particles join words on which the logical accent falls, and respectively occupy a certain place in the phrase. Particles in the Erzya and Finnish languages are dependent, they can't act as sentence parts, independently distribute the word or the phrase. Its main function – introduction of various connotations they can only demonstrate in relation to other word.

Keywords: intonation; particle; word order; lexical meaning; syntactic category; accent; Finnish language; Erzya; actual division on the sentence; the learning process.

Предлагаемая тема приобретает особую актуальность в условиях деформации порядка слов в эрзянском языке в следствии значительного влияния русского языка, а в финском – влияния шведского и других языков.

Наличие разнообразия материалов по отдельным языкам создает предпосылки для изучения их в сравнительно-сопо-

ставительном плане, что помогает более эффективно и глубоко изучать эрзянский и финский языки в школах и вузах [9].

Мордовский язык в процессе развития выработал многообразные средства морфологии и синтаксические приемы, которые используются при построении предложения и оформления слов, входящих в его состав. Важнейшими из

них являются следующие: порядок слов, система аффиксов (суффиксы, флексии), служебные слова (послелого, союзы, частицы) и интонация.

Интонация является одним из основных средств выражения актуального членения, категорий определенности/неопределенности, а частицы относятся к вспомогательным средствам выражения актуального членения. Вследствие этого их следует изучать в единстве [9].

В исследуемых языках мелодика простого повествовательного предложения в монологической и диалогической стилистически нейтральной речи ровная, с понижением на конце, где и находится главный смысловой центр. Тема выделяется небольшим повышением тона, а рема – значительным понижением тона и ударения. Например: эрз. *Петя якась вирьга* (разг.) « Степа ходил по лесу»; *Saarinen lähti Moskovaan* «Сааринен отправился в Москву». Этот «обычный», «прямой» или «объективный» порядок слов характерен для стилистически нейтральной письменной речи, в которой актуальное членение выражается в логической последовательности и развертывании мысли от темы к реме [8, с. 240]. По мнению В. Матезиуса, возможен и другой порядок слов, где рема предшествует теме. Это «субъективный» порядок слов, который характерен для эмоциональной, стилистически окрашенной речи: ср.: эрз. *Пенгтькак тетям ускъсь* (разг.) «И дрова отец привез»; фин. *Tämähän äiti teki* (разг.) «И это мама сделала».

В письменной монологической речи выбор порядка слов осуществляется чаще всего в соответствии с законом прогрессивной последовательности, при которой мысль идет от темы к реме. В стилизованной разговорной речи (еще в большей степени живой разговорной речи) актуальное членение выражается не только порядком следования компонентов высказывания, но и интонацией. Поэтому, принимая на себя логическое ударение, рема может занимать любое место в предложении: ср.: эрз. *Омбоце кедьсьм мон кундыя сонзэ* «Второй рукой я взяла его (разг.)». *Марфа кежейстэ варитась ды тусь кудо енов*

(разг.) «Марфа со злостью посмотрела и ушла в сторону дома»; фин. *Kaapissa on olutta* [13, с. 184] «В шкафу (досл. есть) пиво». *Uolevi puhuu ihan väärin* [21, с. 165] «Уолеви говорит совсем неверно».

Функционально близко к интонации, логическому ударению можем сопоставить также и фразовое ударение, так как оно тоже является неперменным спутником порядка слов: ср.: 1) эрз. *Груня сермадсь серма* «Груня написала письмо»; фин. *Salli rakensi talon* «Салли построил дом» (нейтральный порядок слов, «спокойное», равномерное ударение; 2) эрз. *Груня серма сермадсь* «Груня письмо написала (а не кто-то другой)»; фин. *Salli talon rakensi* «Салли дом построил»; 3) эрз. *Серма Груня сермадсь* «Письмо Груня написала (а не что-то другое)»; фин. *Talon Salli rakensi* «Дом построил Салли»; 4) эрз. *Серма сермадсь Груня* «Письмо написала Груня (прочее кто-нибудь другой)»; фин. *Talon rakensi Salli* «Дом построил Салли»; 5) эрз. *Сермадсь Груня серма* «Написала Груня письмо (констатируется реальность действия Груни по отношению к письму)»; фин. *Rakensii Salli talon* «Построил Салли дом (констатируется реальность действия Салли по отношению к дому)»; 6) эрз. *Сермадсь серма Груня* «Написала письмо Груня»; фин. *Rakensii talon Salli* «Построил дом Салли». Здесь констатируется реальность действия направленного на *письмо*, *дом* и отмечается, что эти действия производят именно *Груня*, *Салли*.

Можно с уверенностью сказать, что представленные варианты порядка слов в эрзянском и финском языках позволяют разграничить так называемые *психологический субъект* и *психологический предикат*. Психологическим субъектом является сравнительно известное или предполагаемое известным, а психологический предикат, как правило, выражает что-либо сравнительно новое и, следовательно, более интересное, в связи с чем, он и занимает в предложении более ударную позицию, чем психологический субъект [10, с. 171]. Так, в примере (2) в первом случае предполагается, что речь идет об известном слушающему факте: в эрзянском примере

о написании письма, причем производителем данного действия является именно Груня, в финском – о строительстве дома, производителем является Салли; следовательно, психологический субъект представлен словами *серма сермадсь* (эрз.), *talon rakensi* (фин.), а психологический предикат – словами *Груня, Салли*. Мысль, выраженная предикатом, является тем новым, неизвестным слушающему, требующим его особого внимания моментом, который говорящий хочет связать с уже до этого известным фактом «написании письма», «постройки дома». В примере (4) речь идет об известном действии, о *написании, строительстве* и его хотят дополнить тем новым сообщением, что это действие направлено на объект – «*письмо*» в эрзянском *серма*, «дом» в финском *talo* и производит его *Груня, Салли*. Таким образом, психологическим субъектом будут глаголы эрз. *сермадсь*, фин. *rakensi*, а психологическим предикатом соответственно *Груня* и *Salli*. Функция психологического предиката, выполняемая этими двумя словами, выражена постановкой слов на наиболее ударные места предложения: одно в начале, другое в конце.

Интонация и частицы в исследуемых языках придают слову или целому предложению различные смысловые оттенки (усиления, пояснения, вопроса). Частицы в финно-угорских языках, по мнению К. Е. Майтинской, имеют определенные свойства, к которым она причисляет невозможность частиц выступать в качестве самостоятельных членов предложения, неизменяемость, отсутствие общехарактерных синтаксических свойств [7, с. 116].

Частицы в эрзянском и в финском языках являются не самостоятельными словами, а прилепами, которые присоединяются к отдельным словам в предложении и не выражают синтаксических отношений. Они могут присоединяться к любому слову, хотя у некоторых сочетаемость ограничена. Чаще всего частицы присоединяются к словам, на которое падает логическое ударение, и соответственно занимают в предложении определенное место: Ср.: эрз. *Михалгак спорязевсь кудонь азораванть марто* [5, с. 51]

«Михаил **тоже** заспорил с хозяйкой дома»; *Tede li сон арсесь се шкастонть?* (разг.) «Об этом **ли** он думал в тот момент»; фин. *En iske minäkään vastaan hanketta* (Kivi) «**И** я ничего не имею против предпринятого». *Huomennahan on lauantai* [16, с. 11] «Завтра (досл. есть) **ведь** суббота».

В финском языке одна частица может присоединяться к другой, и те слова, к которым присоединяются частицы, находятся на разных местах в предложении: *Sinäpäähän tiedät, hymähti Musti, tällä kertaa todellakin hiukan ivallisesti* [15, с. 83] «**И** ты **же** знаешь, улыбается Мусти, что на этот раз действительно немного иронично»; *Kummalla/ko/han minun kannattaisi mennä raitiovaunulla vai busilla?* [16, с. 88]. «Стоит **ли** мне поехать на автобусе или на трамвае?»

В отличие от финского языка в эрзянском языке по месту, занимаемому в предложении, частицы бывают не только постпозитивными, но и препозитивными: эрз. *Ведь Сашка ульнесь нек иредезь, натой мезеяк а помнильгак* «**Ведь** Сашка был очень пьяным, даже ничего, и не помнил»; *Течи самай сон неизе те ломаненть* «Сегодня-**то** он и видел этого человека». *Жадной сельме ансяк песоксо пейтяви* (Пословица) «Жадный глаз может **только** песком наполниться».

В сравнительно-сопоставительном аспекте частицы в эрзянском и финском языках по значению делятся на следующие группы.

1. Усилительные: эрз. *-гак, -как, -як*; фин. *-ра (-pä), -kin* (в значении «также», «даже»). Само название говорит о том, что эти частицы могут функционировать как обычные суффиксы, которые энклитически примыкают к обслуживаемому слову [4, с. 37]. Они выражают утверждение, побуждение, пожелание, одобрение, возмущение. В большинстве случаев слова с такими частицами находятся в первой части предложения. Ср.: эрз. *Велесэнтъ моньгак содавикс ломанем улить – Потап атя, церазо минек заготконторасонть роботы, Ведерников, Советэнь председателесь* [2, с. 35] «В селе у меня **тоже** есть люди, которых знаю – старик Потап, его сын работает у нас в заготконторе, Ведер-

ников, председатель Совета». – *Осподи, атя, или тон алкуккак кемат те пайстомо Вайданть?* [11, с. 5] «– Господи, старик, или ты действительно **тоже** веришь этому несчастному Вайде?»; *Университетсэяк арсесь тонавтнемс Урусов марто вейсэ* [7, с. 123] «И в университете **также** думал учиться вместе с Урусовым»; фин. *Ajaapa hän kovasti!* [18, с. 280] «Ну и быстро **также** он едет!»; *Mutta hänpä ei tiennytkään* «Но он **также** не знал»; *Siellä olitte te nuoretkin* [21, с. 110] «И там вы были **даже** молодыми».

По происхождению частицы эрз. *-гак*, *-как*, *-як* являются финно-угорскими. Общность происхождения мордовских и финских частиц признается многими исследователями. Мордовские частицы имеют генетическую связь с усилительными частицами *-kaan*, *-kään* финского языка [14, с. 237]. Ю. Х. Тойвонен среди других соответствий называет частицу *-kin* [20, с. 209]. В свою очередь Ф. И. Видеман считал, что общность происхождения имеют частицы *-гак*, *-как*, *-як* в эрзянском языке, *-ka* / *-kä* в финском языке, *-gi/-ki* в прибалтийско-финских языках и *-ok*, *-ak* в марийском языке [22, с. 49].

Вопрос об этих частицах привлекает внимание многих исследователей. По мнению Д. В. Бубриха, *-k*-овый элемент, который представляет собой по происхождению присоединительную частицу в эрзянском *-гак*, *-как*, *-дак*, *-як*, *-ак* является конечным элементом в суффиксальных образованиях мордовских языков *-ксек*, *-цек*, *-сек* [1, с. 32].

В финском языке частица *-kin* употребляется и в отрицательных по форме предложениях, на которые ждут положительного ответа. Она может занимать любое место в предложении и присоединяться к любому слову: фин. *Musti tiesi sen kyllä sanomattakin* [15, с. 86] «Да, Мусти знал это и без озвучивания (букв. не говоря) **также**»; *Oli kotonakin hauska taas sentään olla näin illalla* [17, с. 23] «Снова находится дома **также** весело все-таки вечером».

Этимологически частица *-як* в эрзянском приравнивается частице *-kin* в финском языке [12, с. 167]. Как финские, так

и эрзянские частицы употребляются также с неопределенными местоимениями и наречиями: эрз. *Кие-бутияк* «**И** кто-то»; *Меже-бутияк* «**И** что-то»; *Кодамо-бутияк* «**И** какой-то»; *Та-кияк* «**И** кто-то»; *Та-кодамояк* «**И** какой-то»; фин. *Jokin* «Что-то»; *Kukin* «Каждый»; *Kumpikin* «И тот и другой»; *Ainakin* «По крайней мере»; *Ilmankin* «И без этого»; *Sittenkin* «Все-таки»; *Varsinkin* «Особенно».

Частица *-kaan* (*-kään*) в финском языке является выделительным аффиксом, встречается в отрицательных предложениях [14, с. 237]. Она синонимична усилительной частице *-kin*, которая в свою очередь сопоставляется частице *-як* в эрзянском языке. Эту частицу употребляют также в предложениях без отрицания, но по смыслу содержащих отрицание, сомнение или вопрос [3, с. 229]. Она может присоединяться ко многим частям речи и занимать в предложении любое место, придавая высказыванию нужный оттенок: фин. *Eihän ollut Juhanikaan hidas sovintoon* «Юхани **тоже** не медлил, когда нужно было мириться»; *Pöytiä ja tuoleja minun ei tarvitse ostaa, ei myöskään sänkyä* [16, с. 10] «Столы и стулья мне не нужно покупать, **также** и кровать не нужна»; – *Entä toi, eihän me voida sitä siihenkään jättää* [19, с. 36] «–Ну, принес, мы не можем это там **также** оставить».

Древними в финском языке являются частицы *-kin*, *-kaan* (*-kään*), *-s*. Частица *-s* первоначально была составная: *-ka* (*-kä*) + *-han* (*-hän*), где *-ka* (*-kä*) соответствовал отыменному суффиксу *-ka* (*-kä*) и *-han* (*-hän*) – личному местоимению *hän* «он» [3, с. 227]. Частица *-s* употребляется в разговорной речи.

2. Вопросительные: эрз. *ли* – модальная частица, она не только расширяет, но и выделяет слово, на которое направлен вопрос. В эрзянском языке модальные частицы, имеющие субъективную модальность, отражают субъективное отношение человека к высказываемому: уверенность, неуверенность, сомнение в чем-либо, предположение, интерес, безразличие, побуждение, субъективную передачу чужой речи, модальное сравнение, вопросительность.

Вопросительная частица *ли* в эрзянском языке встречается в различных стилях речи и ставится обычно после того слова, на которое падает логическое ударение. В общевопросительном предложении она выступает в постпозиции к глаголу или словам, выполняющим функцию предиката. Сюда же входят и такие частицы: *што ли*, *арази* «неужели», *рази* «разве». Русское заимствование *што ли* «что ли» встречается преимущественно в конце и в середине общевопросительного предложения, наряду с вопросительным значением имеет оттенок удивления, сомнения. Частица *ужели* употребляется в начале предложения, а *рази* «разве», *некак* «кажется» могут находиться как в начале, так и в конце предложения. Однако они могут встречаться в середине предложения и ставятся обычно после того слова, которое является наиболее важным в вопросе: эрз. *Радовасть, што ли?* «Обрадовались, что ли?»; *Арази можна истя тейнемс?* «Неужели можно так делать?». К разряду эмоционально-вопросительных частиц относят и заимствованную из русского языка частицу «*неужто*», которая употребляется в эрзянском языке без каких-либо фонетических изменений: эрз. *Неушто минек велесэ истя тейнить?* «Неужели в нашем селе так делают?»; *Урвакстозян, ды ним вечкса. – Неужто сон мондень мазый?* [6, с. 85] «Женат, и свою жену люблю. – Неужто она красивее меня?». Данная частица довольно продуктивно используется и в удмуртском языке, где наряду с эмоционально-модальным содержанием имеет и вопросительное значение. Этой частице в эрзянском языке присуще собственное минимальное значение, которое выражает удивление говорящего. При этом она всегда находится в начале предложения [4, с. 125].

Эрзянскому модальной частицы *-ли* в финском языке сопоставляются такие вопросительные частицы, как *-ko* (*-kö*), *-han* (*-hän*). Они присоединяются к слову, на которое падает главное ударение. Такое слово занимает в предложении первое место (или же перед ним имеется только определение или союз) [3, с. 227]. Например: фин. *Tarvitsetteko kyydin kotiin?*

«Нуждаетесь ли вы в доставке домой?». Часто *-ko* (*-kö*) в финском языке обозначает «сколько» и занимает начальное положение в вопросительных предложениях: фин. *Montako heitä oli?* «Сколько же их было?»; *Paljonko sinä tiedät?* (разг.) «Много ли ты знаешь?». Частица *-han* (*-hän*) имеет в свою очередь различные значения. Она выражает констатацию или объяснение, сравнение; сомнение или возможность, безразличие, вежливый вопрос, поощрение: такая частица может присоединяться к другим частицам, но сама не может присоединять других частиц: фин. *Ja saman näköisetkin/hän nämä ovat tolemmat* «И ведь похожи они друг на друга»; *Olemmehan ystävät taas?* «Мы также опять друзья?»

Рассматривая частицы и другие формы в финском языке, А. Хакулинен, например, в понятие частицы включила не только энклитические частицы, но и слова, которые не имеют собственного значения и могут примыкать к другому слову. К словам такого типа нельзя ставить вопрос, и их основная функция – служить модификации значения других слов. К ним она относит единицы, которые не меняют основного значения слов, но могут примыкать к другим словам и вносить дополнительные значения. В речи она рассматривает частицы, которые акцентно выделяют тот член предложения, который сопровождают. По семантике А. Хакулинен различает модальные частицы, которые выражают возможность, вероятность, обязанность [14, с. 115].

Таким образом, частицы в эрзянском и финском языках несамостоятельны. Они не могут выступать в качестве членов предложения, самостоятельно распространять слово или словосочетание. Свою основную функцию – внесение различных оттенков они могут проявлять только по отношению к другому слову.

В зарубежном языкознании вместо термина «*частица*» в основном применяется термин «*клитик*», который определяется следующим образом: *клитики* – это связующие элементы, которые в своем фонологическом поведении имеют сходство с морфемами, но в своей грамматической

функции имеют сходство с полнзначными словами. Этот термин больше применяется к элементам с морфологическими свойствами и свойствами полнзначных слов, но в то же время есть девять критериев, которые отделяют полнзначные слова от клитиков. Среди них необходимо назвать следующие: слова имеют ударение, а клитики нет; слова имеют лексическое значение, значение же клитиков зависит от предложения и вносимого смысла; слова связываются с другими

синтаксическими категориями, а клитики синтаксически независимы.

Все вышеуказанные выводы и положения данной работы могут найти применение при составлении специальных программ, учебных и методических пособий, а также при обучении родному языку в высшей школе, в вузовской практике преподавания синтаксиса и научной грамматики, прежде всего, на финно-угорских отделениях Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева и университетов Финляндии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубрих, Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 265 с.
2. Глухов, П. С. Кедровой пештть : евтнемат, ледстнемат. Эйкаштнэнь ды од ломантнень туртов / П. С. Глухов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2003. – 88 с.
3. Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 296 с.
4. Ерина, О. Частицы в мордовских языках : дис. ... канд. фил. наук / О. Ерина. – Тарту, 1997. – 149 с.
5. Куторкин, А. Лажньця Сура : роман / А. Куторкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1976, Т. 2. – 408 с.
6. Куторкин, А. Раужо палмань : роман. Ламзурь : поэма / А. Куторкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1997. – 336 с.
7. Майтинская, К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – Москва : Наука, 1982. – С. 116.
8. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – 1947. – С. 327–352.
9. Мухина, Е. Н. Порядок слов в простом предложении в эрзянском и финском языках : монография / Е. Н. Мухина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – 84 с.
10. Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка / Л. Хакулинен. – Москва : Изд-во ин. лит-ры, 1955. Ч. 2. – 292 с.
11. Щеглов, А. Кавксть чачозь : роман / А. Щеглов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1988, Т. 2. – 244 с.
12. Bartens, R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys / R. Bartens. – Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1999. – 183 p.
13. Hakulinen, A. Nykysuomen rakenne ja kehitys / A. Hakulinen. – Helsinki : SKS, 1983. – 315 s.
14. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys / L. Hakulinen. – Helsinki : Kustannusosakeyhtiö Otava, 1979. – 633 p.
15. Leino, E. Mesikämmen. Musti. Ahven ja kultakalat / E. Leino. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. – 215 p.
16. Nuutinen, O. Suomea suomeksi 2 / O. Nuutinen. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. – 159 p.
17. Sillanpää, F. E. Elämä ja aurinko / F. E. Sillanpää. – Helsinki : Suomalais Kirjallisuuden Seura, 1994. – 241 p.
18. Suomalais – ersäläinen sanakirja / A. Alhoniemi, N. Agafonova, M. Mosin. – Turku : Vammalan Karjapaino Oy, 1999. – 539 p.
19. Tapio, J. Loinen ja Krunu / J. Tapio. – Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö, 1988. – 87 p.
20. Toivonen, Y. H. Finnische Laut – und Formenlehre / Y. H. Toivonen. – FUF XXVIII. – P. 200–211.
21. Vilkuna, M. Suomen lauseopin perusteet / M. Vilkuna. – Helsinki : Edita prima Oy, 2003. – 348 p.
22. Widemann, F. J. Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittel-Hochasiens / F. J. Widemann. Reval, 1838. – P. 21.

Поступила 19.06.14.

Об авторе:

Мухина Евгения Николаевна, доцент кафедры общенаучных дисциплин Ковылкинского филиала ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Россия, г. Ковылкино, ул. Желябова, д. 26), кандидат филологических наук, zenja.admajkina@mail.ru

Для цитирования: Мухина, Е. Н. Сравнительно-сопоставительный анализ при изучении влияния интонации и частиц на порядок слов в предложении в эрзянском и финском языках в процессе обучения. Теоретическо-практический аспект / Е. Н. Мухина // Интеграция образования. – 2014. – № 4 (77). – С. 141–147. DOI: 10.15507/Inted.077.018.201404.141

REFERENCES

1. Bubrikh D. V. Istoricheskaja grammatika jertzjanskogo jazyka [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk, Mordovian Publ., 1953, 265 p.
2. Glukhov P. S. Kedrovoj peshtt': evtneemat, lectneemat. Jejkakshtnjen' dy od lomantnen' turtov [Pine nuts: stories, legends for children]. Saransk, Mordovian Publ., 2003, 88 p.
3. Grammatika finskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Finnish grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1958, 296 p.
4. Erina O. Chasticy v mordovskih jazykah [Particles in Mordovian languages]. Tartu, 1997, 149 p.
5. Kutorkin A. Lazhnycja Sura [Seething Sura]. Saransk, Mordovian Publ., 1976, vol. 2, 408 p.
6. Kutorkin A. Rauzho palman' [The Black Pillar]. Saransk, Mordovian Publ., 1997, 336 p.
7. Majtinskaja K. E. Sluzhebnye slova v finno-ugorskih jazykah [Syntactic words in Finno-Ugric languages]. Moscow, Science Publ., 1982, 116 p.
8. Matezius V. O tak nazываемom aktual'nom chlenenii predlozhenija [On so-called actual division of the sentence]. *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhok* [Prague School]. Moscow, 1947, pp. 327–352.
9. Mukhina E. N. Poryadok slov v prostom predlozhenii v erzyanskom i finskom jazykah [Word order in a simple sentence in the Erzya and Finnish languages]. Saransk, Mordovian Publ., 2010, 84 p.
10. Hakulinen L. Razvitie i struktura finskogo jazyka [Development and the structure of the Finnish language]. Moscow, Literature Publ., 1955, vol. 2, 292 p.
11. Shcheglov A. Kavkst' chachoz' [Twice the given rise]. Saransk, Mordovian Publ. House, 1988, vol. 2, 244 p.
12. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys [The structure and development of the Mordovian language]. Helsinki, Finn-Ugric Publ., 1999, 183 p. (in Finnish)
13. Hakulinen A. Nykysuomen rakenne ja kehitys [The structure and development of modern Finnish language]. Helsinki, FLA Publ., 1983, 315 p. (in Finnish)
14. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys [The structure and development of the Finnish language]. Helsinki, Publish Company Otava, 1979, 633 p. (in Finnish)
15. Leino E. Mesikämmen. Musti. Ahven ja kultakalat [The perch and the goldfish]. Helsinki, Finnish Ltd Publ., 1995, 215 p. (in Finnish)
16. Nuutinen O. Suomea suomeksi 2 [Speak Finnish 2]. Helsinki, Finnish Ltd Publ., 1997, 159 p. (in Finnish)
17. Sillanpää F. E. Elämä ja aurinko [Life and the Sun]. Helsinki, Finnish Ltd Publ., 1994, 241 p. (in Finnish)
18. Suomalais-ersäläinen sanakirja [Erzya-Finnish dictionary]. Turku, 1999, 539 p. (in Finnish)
19. Tapio J. Loinen ja Krunu [Loinen and the king]. Porvoo, Werner Sederstrom Corp. 1988, 87 p. (in Finnish)
20. Toivonen Y. H. Finnische Laut – und Formenlehre [Finnish sounds and morphology]. FUF XXVIII, pp. 200 – 211. (in Finnish)
21. Vilkuna M. Suomen lauseopin perusteet [Foundations of Finnish syntax]. Helsinki, Edita prima Publ., 2003, 348 p. (in Finnish)
22. Widemann F. J. Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittel-Hochasiens [The previous seats of Chude peoples and their fields with the peoples of Middle Asia]. Reval Publ., 1838, 21 p. (in German)

About the author:

Mukhina Evgenia Nikolaevna, research assistant professor, Chair of general scientific disciplines, Ogarrev Mordovia State University (Kovylkino affiliate) (26, Zhelyabova Str., Kovylkino, Russia), Kandidat Nauk degree (PhD) in philological sciences, zenja.admajkina@mail.ru

For citation: Mukhina E. N. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz pri izuchenii vlijanija intonacii i chastic na porjadok slov v predlozhenii v jertzjanskom i finskom jazykah v processe obuchenija. Teoreticheskoprakticheskij aspekt [Comparative and contrastive analysis in studying the influence of intonation and particles on the word order in the erzya and finnish languages. Theoretical and practical aspect]. *Integracija obrazovanija* [Integration of Education]. 2014, no. 4 (77), pp. 141–147. DOI: 10.15507/Inted.077.018.201404.141